РОСТОВСКАЯ СТАРИНА

Газета Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль»

Издается с 1989 года

№ 35 (204) Сентябрь, 2026

175 лет со дня рождения И. Ф. Барщевского

Точка отсчета: когда И. Ф. Барщевский сделал первые фотографии Ростовского кремля?

Ил. 1. Иван Федорович Барщевский (1851–1948). Фотография, 1880-е гг.

В истории Ростовского кремля есть эпизод, который долго оставался в тени. Мы знаем, что Иван Федорович Барщевский (1851–1948) – тот самый фотограф, которого позже назовут «отцом русской архитектурной фотографии» (ил. 1) – снимал Ростов. Но когда именно он сделал первые снимки, что его к этому привело и кто был заказчиком, оставалось не вполне ясным. Одни исследователи называют 1880 год, другие – 1883-й, когда завершился первый этап реставрации и была освящена восстановленная Белая палата.

Новые документальные свидетельства – переписка Андрея Александровича Титова (1844–1911) с московскими учеными, хранящаяся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея и в Государственном архиве Ярославской области, – позволяют наконец восстановить эту историю. Эти источники дают возможность не только уточнить хронологию, но и понять логику событий, которые привели к возрождению Ростовского кремля.

Московские друзья А. А. Титова

У ростовца А. А. Титова, на рубеже 1870–1880-х годов начинающего собирателя древностей и историка, были в Москве два человека, которых он по праву называл своими наставниками. Александр Иванович Кельсиев (1846–1885) и Василий Егорович Румянцев (1822–1897) – деятели Московского археологического общества, с которыми Титов был дружен и у которых, по существу, учился. Кельсиев – хранитель Политехнического музея, участник антропологических и археологических экспедиций, еще в 1878 году познакомивший Титова со своим кругом ученых москвичей. Румянцев – многолетний секретарь, а затем вице-президент Общества, издатель его «Трудов», исследователь истории русского книгопечатания, инспектор Синодальной типографии, где под его наблюдением печатались ранние труды А. А. Титова.

Оба они были для Титова не просто корреспондентами. Через них он получал доступ к специалистам, к научным темам, которые для них были актуальны, к самому графу Алексею Сергеевичу Уварову (1824–1884), основателю и первому председателю Общества. Им он сообщал о том, что происходило в Ростове, – часто, подробно, иногда с горечью. И они отвечали ему так, как отвечают другу и коллеге – члену-корреспонденту Общества (коим он стал 11 марта 1880 г.). Именно эта переписка – письма Титова к Румянцеву, ответные письма Румянцева и письма Кельсиева – послужила источниковой основой для новых наблюдений.

«Верх Белой палаты рухнул»

Летом 1881 года в Ростовском кремле случилась беда. Верх Белой палаты – в которой, как особо отмечал А. А. Титов, «принимал гостей святитель Димитрий Ростовский», – обрушился. И обрушился не сам по себе, от ветхости или неумолимого времени. Местное духовное начальство, перестраивая архиерейский дом (ныне известный как Самуилов корпус) под училище, разломало свод, соединявший палату с церковью Спаса на Сенях, а высвободившийся кирпич наметило употребить на постройку бани для учеников. Для начала в кремлевской стене прорубили дверной проем, чтобы к нему со стороны Митрополичьего сада приладить баню.

22 июня А. А. Титов писал В. Е. Румянцеву. И письмо получилось довольно резким:

«Тщетно ждал Вас с графом, да так и не дождался. Хоть приезжайте один на 28 и 29, благо праздники. Приехать же Вам нужно и потому, что верх Белой палаты рухнул. Пал он благодаря распоряжениям нашего почтенного члена-корреспондента преосвященного, который ломал, ломал сию палату и доломался до того, что она пришла в это плачевное состояние. Ему мало палаты, он принялся и за стены. Прорубил громадную дверь и к стене прикладывает баню. Хоть взгляните Вы, авось можно будет его устрашить и он образумится... Если не это, то все рухнет. Дальнейшее разрушение будет уже лежать на Вас» (ГИМ. Ф. 179. Оп. 1. Д. 18. Л. 38–39).

Титов не просто сообщал о беде. Он требовал, как ответственный член Московского археологического общества, чтобы его руководители лично засвидетельствовали разрушения. Ростовский археолог понимал: словами тут не поможешь. Очевидно, о том же он сообщал И. А. Кельсиеву, на что тот 26 июня писал в ответ: «Вахромееву И. А. поручите написать графу подробности о новом вандализме Ионафана» (ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 889. Л. 55 об.–56).

Ровно через месяц, 22 июля 1881 года, Кельсиев сообщал Титову на Нижегородскую ярмарку: «Румянцев относительно Ионафана говорит, что надо подумать и сделать ход осторожный, но верный. Книга Ваша о св. Димитрие вся набрана и скоро Вы получите корректурные листы».

Это была та самая книга А. А. Титова, которая была им представлена на заседании Общества 6 ноября 1881 года – «Краткое учение о седми таинствах церкви святителя Димитрия Ростовского, исправленное собственною его рукою». В предисловии ростовец писал, намекая на корень бедствий памятников кремля: «Кремлевская палата, в которой жил св. Димитрий, представляет в настоящее время далеко не тот вид, какой имела она при жизни великого святителя». Опубликованный на специальной вклейке чертеж кремлевских строений, один из шести найденных А. А. Титовым еще в октябре 1880 года, это с наглядностью демонстрировал.

Из переписки А. А. Титова за июнь – июль 1881 года с москвичами становится ясно, что ни Румянцев, ни Кельсиев, занятые своими служебными делами и научными поручениями графа Уварова, не смогли вырваться в Ростов. А ростовский купец и археолог А. А. Титов в это время традиционно посвящал себя Нижегородской ярмарке.

Сорок пять снимков!

Вернувшись из Нижнего Новгорода в начале сентября, А. А. Титов не позднее 12 числа отправил В. Е. Румянцеву еще одно письмо. Среди прочих сообщений о делах он обронил знаменательную фразу:

«Какие мне сняли виды. Всего числом 45 и все с кремлевских зданий» (ГИМ. Ф. 179. Оп. 1. Д. 18. Л. 127–127 об.).

Он не назвал имени фотографа. И это понятно: в тот момент Барщевский еще не был «архитектурным фотографом Барщевским». Он был ростовским портретистом, державшим с 1879 года в городе на Покровской улице небольшое фотоателье. Никто в Москве о нем в то время не знал.

В этом контексте обращают на себя внимание слова: «Какие *мне* сняли виды». Значит, съемка, безусловно, была заказана А. А. Титовым. Отправляясь на ярмарку, он сделал это: переговорил со знакомым фотографом, объяснил, что нужно, и оплатил работу. Не случайно в одном из писем А. И. Кельсиева к А. А. Титову (от 22 июля 1881 г.) фигурирует упоминание некоего «Вашего фотографа»...

Когда это произошло? От конца июня, когда обрушилась палата, до начала сентября, когда снимки уже были готовы. Скорее всего – август 1881 года. На это указывает и одна деталь: на нескольких снимках памятников кремля, снятых из бывшего Митрополичьего сада, угадываются парники и огород с капустой, поздние сорта которой поспевают как раз в августе.

Продолжение – на 2-й стр.

Ил. 2. И. Ф. Барщевский. Вид на южную группу памятников Ростовского кремля до реставрации. 1881 г. Запись на паспарту А. А. Титова. ГМЗРК. ФТ-2406

175 лет со дня рождения И. Ф. Барщевского

Точка отсчета: когда И. Ф. Барщевский сделал первые фотографии Ростовского кремля?

Продолжение. Начало – на 1-й стр.

Сорок пять снимков кремлевских зданий! Белая палата, церкви, стены и башни, еще не тронутые реставрацией. Это был не просто набор архитектурных видов. Это был архив катастрофы. Титову он был нужен для дела: чтобы засвидетельствовать и предъявить в Москве, чтобы убедить потенциальных жертвователей – знакомых томских купцов Королевых, уроженцев Ростова, – что в их родном городе погибает Белая палата – памятник XVII века.

Одна фотография — два свидетельства

В Ростовском музее среди множества экземпляров фотографий видов кремля И. Ф. Барщевского хранится один с изображением Белой палаты и части южной стены, снятых из Митрополичьего сада. На паспарту А. А. Титов, очевидно, спустя годы, собственноручно засвидетельствовал: «Белая палата и часть кремлевской стены до реставрации, снятая в 1881 г.» (ГМЗРК. ФТ-2406; ил. 2). Этот снимок И. Ф. Барщевский в числе прочих включил в свой знаменитый ростовский альбом – третий том «Русской архитектуры», подаренный Императорской публичной библиотеке (ныне Российской национальной библиотеке, где хранятся 50 альбомов фотографий различной тематики за 1882–1896 гг.). В альбоме фотография составителем подписана так: «Развалины башни южной стены кремля и церкви Спаса на Сенях в Ростове Яросл. губ.».

Музейный экземпляр снимка описывает то, чем он был для А. А. Титова – той самой точкой отсчета. Именно он, заказчик съемки, через время определил ее место в истории: это снимок «до реставрации», сделанный в 1881 году.

Имя появляется в протоколах

С момента съемки летом 1881 года прошло полгода. 12 марта 1882 года в Московском археологическом обществе на очередное заседание собрались его члены. Секретарь доложил о двух насущных ростовских делах сразу. Первое: от А. А. Титова пришло известие, что Торговый дом Королевых готов пожертвовать деньги на восстановление Белой палаты. Второе: фотограф Барщевский (именно так, без имени, отчества и инициалов) поднес Обществу в дар 55 фотографий с древних церквей и зданий в Ростове.

Собрание постановило: благодарить Королевых за готовность участвовать в восстановлении палаты, а «господина Барщевского предложить в члены-корреспонденты Общества» (Древности. Труды Имп. Московского археологического общества / под ред. И. Д. Мансветова. М., 1883. Т. 9. Вып. 2 и 3. Протоколы. С. 105–106).

Это было первое документальное упоминание имени Барщевского в связи с ростовскими древностями. И оно стояло рядом с известием о пожертвовании братьев Королевых на восстановление Белой палаты. Что было не случайным: документальная фотосъемка и деньги оказались мощным условием, которое дало импульс началу реставрации.

Через две недели, 26 марта 1882 года, А. И. Кельсиев написал А. А. Титову: «Превосходный подарок Вы сделали Археологическому обществу – ростовский альбом. Есть один важный пробел – церковь на Сенях, ее внутренний вид. А об ней именно был разговор в то заседание» (ГАЯО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 890. Л. 4 об.).

Это свидетельство А. И. Кельсиева подтверждает, что именно через посредничество А. А. Титова был подарен Обществу «ростовский альбом» И. Ф. Барщевского. Москвич указывал и на пробел того, что с участием А. А. Титова обсуждалось на заседании Общества.

Начало пути

Для И. Ф. Барщевского эти ростовские снимки стали переломом. До 1881 года он был портретистом. После – становится архитектурным фотографом. В 1882 году он начал свои систематические поездки по России. Сначала – ближайшие места: Борисоглеб, Ярославль. Потом – дальше, по всей России. В 1886 году он перебрался в Ярославль и открыл там свою новую фотомастерскую.

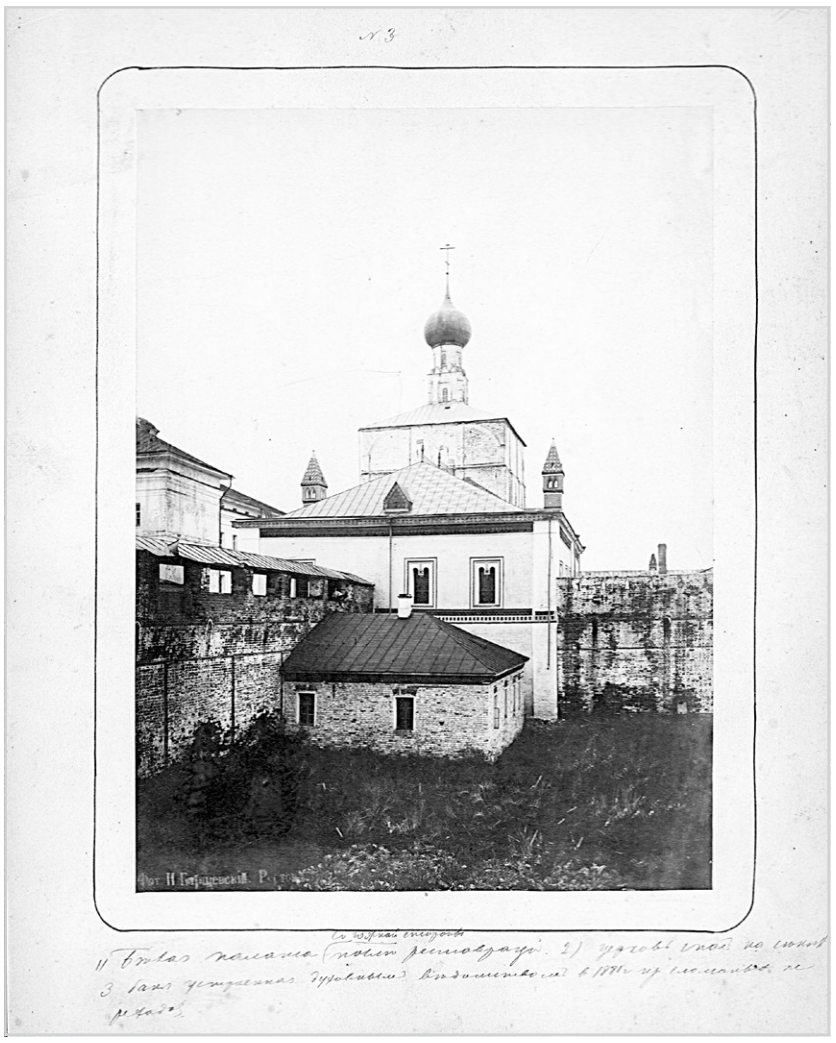
Известный литературный критик и сотрудник императорской библиотеки В. В. Стасов в справочнике «Фотографические и фототипические коллекции Императорской Публичной библиотеки», вышедшем в 1885 году, писал:

«Этот очень искусный и старательный фотограф решился, с начала 80-х годов, делать ежегодные поездки по разным краям России и снимать все замечательное по части древней русской архитектуры... Сборник И. Ф. Барщевского выносит на свет такие, до сих пор остававшиеся неизвестными сокровища древнерусской архитектуры, которых исследование и изучение должно, несомненно, сильно повлиять на национальное развитие современных наших архитекторов».

Стасов не знал всех деталей, связанных с рождением архитектурного фотографа в Ростовском кремле. Он писал о начале 1880-х и о серии альбомов, начавших составляться в 1882 году. Он не знал, что ростовский альбом складывался первым. Только в 1883 году, когда началась реставрация, Барщевский соединил снимки «до» и «после», и ростовский альбом оказался в ряду ярославского и борисоглебского третьим, хотя по существу был первым.

Кстати, на одном из музейных снимков Белой палаты, сделанных И. Ф. Барщевским уже после реставрации 1883 года, появляется под ее обновленными стенами пресловутая баня (ил. 3). И вновь А. А. Титов на паспарту бескомпромиссно фиксирует для истории: «1) Белая палата с южной стороны после реставрации. 2) Церковь Спаса на Сенях. 3. Баня, устроенная духовным ведомством в 1881 г. из сломанных переходов».

Сам И. Ф. Барщевский своей дальнейшей судьбой подтвердил значение того ростовского заказа. В 1882 году Императорская Академия художеств присвоила ему звание фотографа академии. 25 октября 1883 года, накануне освящения Белой палаты в Ростовском кремле, Ивана Федоровича избрали членом-корреспондентом Московского археологического общества – в ознаменование его заслуг по возрождению кремлевского памятника. В 1887 году он триумфально стал участником VII Археологического съезда, организованного Обществом в Ярославле. Фотографу принадлежит более 3000 снимков дореволюционной поры с огромного количества памятников русской старины. Со временем И. Ф. Барщевского по справедливости стали называть «отцом русской архитектурной фотографии».

Ил. 3. И. Ф. Барщевский. Белая палата и церковь Спаса на Сенях с юго-западной стороны. 1883 г. Запись на паспарту А. А. Титова. ГМЗРК. ФТ-205

Но все это «после» началось с одного решения А. А. Титова летом 1881 года. Когда Белая палата рухнула, ему понадобился человек с фотоаппаратом, который превратил бы руины в свидетельство. Он интуитивно нашел такого человека – безвестного ростовского портретиста. А. А. Титов заказал И. Ф. Барщевскому съемку ростовских руин и тем самым дал ему имя.

Ярослав Смирнов

Обитель на переломе: Ростовский Богоявленский Авраамиев монастырь во второй половине XIX — начале XX века

Древняя обитель и ее упадок

Ростовский Богоявленский Авраамиев монастырь по праву считается одним из древнейших на северо-востоке Руси. Согласно монастырским источникам, его основание относят к X веку, а его основателя – преподобного Авраамия – именовали «первым в России архимандритом». Тем не менее в 1764 году обитель была отнесена лишь ко второму классу и получала сравнительно скромное штатное содержание.

По данным А. А. Титова, период с середины 1850-х до 1874 года стал для монастыря непростым: оставаясь без пристального внимания настоятелей, он заметно пришел в упадок. Причина крылась в особенностях управления: в то время настоятельство в Авраамиевом монастыре являлось послушанием ректора Ярославской семинарии.

Настоятели и их труды

С 1858 года обителью руководил архимандрит Иустин (Охотин) (1823–1907) – ученый монах, выпускник Санкт-Петербургской духовной академии, сын арзамасского священника (ил. 1). Его путь служения был тесно связан с педагогической деятельностью: после окончания академии он преподавал богословие в Костромской семинарии, в 1856–1858 годах исполнял обязанности ректора Ярославской семинарии, а в 1857 году был возведен в сан архимандрита. В 1858 году Иустин одновременно занял посты ректора семинарии и настоятеля Ростовского Богоявленского монастыря.

Глубоко изучая вверенную ему обитель, он в 1862 году опубликовал труд «Описание Ростовскаго Богоявленскаго Авраамиева мужескаго второкласснаго монастыря Ярославской епархии». В 1871 году архимандрит Иустин был назначен епископом Острожским и переведен в Волынскую епархию; до 1873 года монастырь оставался без настоятеля.

В 1873–1878 годах руководство обителью принял архимандрит Нафанаил (Леандров) (1813–1888). Не имея высшего образования, он тем не менее обладал богатым пастырским опытом: до принятия монашества служил приходским священником и имел сан протоиерея. А. А. Титов в своем очерке о Богоявленском монастыре приводит записки отца Нафанаила, прибывшего в Ростов из Санкт-Петербурга. Тот с горечью описывал состояние храмов: «В соборном храме Богоявления все оконные рамы были ветхие... одни стояли с разбитыми стеклами, другие оставались совсем без стекол, и оттого в соборном храме дождь и снег были обычными явлениями. На стенах церкви была иконопись, но что было изображено, рассмотреть было нельзя». Не лучше обстояли дела и в приделе преподобного Авраамия: «Здесь не через одни только окна проникала вода, а и через вековые своды». В столь же плачевном виде находились Введенский храм и ризница: «Где была грязь в буквальном смысле слова, грязь такая же, какая бывает на открытой почве».

Благодаря усилиям отца Нафанаила и поддержке благотворителей в течение нескольких лет удалось заметно улучшить положение дел.

Хозяйственное укрепление

Экономическое состояние монастыря постепенно укреплялось. На 1881 год его капитал складывался из штатной суммы, наличных средств и ценных бумаг: объем последних достигал 72 455 рублей, принося 3 498 рублей ежегодного дохода. К январю 1889 года сумма процентных бумаг выросла до 81 055 рублей, а к началу 1906 года – до 93 188 рублей 65 копеек. Анализ финансовых документов свидетельствует о стабильном экономическом росте обители в 1890-е годы и начале XX века. Это нашло отражение и в строительной деятельности: в 1892 году к настоятельскому корпусу с восточной стороны пристроили новую «каменную трапезу», в 1893 году возвели деревянный ледник, а в 1903 году – деревянную баню и два сарая. В эти же годы в Богоявленском соборе установили «духовую печь» для отопления, а главы храма покрыли железом с накладными позолоченными звездами.

Продолжение – на 3-й стр.

Обитель на переломе: Ростовский Богоявленский Авраамиев монастырь во второй половине XIX — начале XX века

Продолжение. Начало – на 2-й стр.

Ил. 1. Вознесенский М. Портрет настоятеля Ростовского Богоявленского Авраамиева монастыря архимандрита Иустина (Охотина). 1866. ГМЗРК

Смена настоятелей

В 1881–1888 годах монастырем управлял архимандрит Геласий (Клементьев) – представитель ученого монашества, выпускник Московской духовной академии (1860), магистр богословия. До назначения в Ростов он прошел путь педагогического и административного служения: был инспектором и профессором нравственного богословия в Ярославской семинарии, затем – инспектором, профессором и исполняющим обязанности ректора Олонецкой семинарии. В 1868 году, получив сан архимандрита, Геласий оставил училищную службу и до 1881 года состоял членом Санкт-Петербургского комитета духовной цензуры.

Последующие годы ознаменовались сменой настоятелей: в 1888–1891 годах обитель возглавлял архимандрит Серафим (Поликарпов), прежде бывший игуменом Ростовского Петровского монастыря; в 1891–1897 годах – архимандрит Ювеналий (Штынкин) (ил. 2). Выходец из крестьян Рыбинского уезда Ярославской губернии, он имел неоконченное начальное образование, но отличался большим опытом монашеской жизни и руководящей работы. Приняв постриг в 1865 году в Спасо-Преображенском Гуслицком монастыре, с 1870 года он жил в Александро-Невской лавре, где был рукоположен в иеромонаха. В 1884 году Ювеналий получил сан архимандрита и был переведен в Троицкий монастырь города Алатырь, а в 1886–1891 годах являлся настоятелем Угличского Алексеевского монастыря. Под его началом Ростовский Богоявленский монастырь продолжил свое развитие.

В 1897 году Ювеналия перевели в Борисоглебский мужской монастырь, а новым настоятелем стал архимандрит Герман (Ханов), сын белгородского диакона, отличавшийся выдающимися организаторскими способностями. Он скончался 22 марта 1912 года в возрасте 77 лет; его погребение возглавил архиепископ Тихон (Беллавин). В 1912–1915 годах во главе монастыря стоял архимандрит Николай (Воскобойников), сын священника Оренбургской епархии, которому на момент назначения исполнилось 60 лет.

Братия: состав и образование

Численность братии во второй половине XIX – начале XX века оставалась сравнительно небольшой: от 8 до 28 человек в разные годы. Число монашествующих колебалось от 5 до 14, а в отдельные периоды послушников не было вовсе – их нередко заменяли наемные работники. Социальный состав насельников со временем менялся: если в 1856 году 72 % братии составляли выходцы из духовного сословия, то к 1915 году их доля сократилась до 20 %, уступив место крестьянам (70 %). До конца XIX века большинство насельников имели незаконченное начальное образование (чаще всего – оконченные духовные училища или иные начальные учебные заведения). В начале XX века, когда среди братии преобладали крестьяне, наиболее распространенной формой образования считалось «обучение в доме родителей» – эта формулировка могла скрывать разный уровень грамотности, но, вероятно, большинство умели читать. При этом полностью неграмотных в монастыре почти не было.

Источники позволяют проследить и региональную принадлежность насельников. В 1856 году большинство из них были уроженцами Ярославской губернии. К 1905 году картина изменилась: из 14 членов братии пятеро были ярославцами, трое – выходцами из Курской губернии, а остальные прибыли из Новгородской, Вологодской, Орловской, Тамбовской губерний, из Москвы и Области Войска Донского. Состав братии отличался подвижностью: в 1902 году лишь трое из 13 монахов проживали в обители более 10 лет, а в 1915 году из 10 монахов только трое поступили в монастырь свыше десяти лет назад. Частая смена состава нередко была связана со сменой руководства. Вероятно, многие насельники, как и сами настоятели, рассматривали эту обитель как временное место служения.

Ил. 2. Архимандрит Ювеналий (Штынкин). Фотография, конец XIX в. ГМЗРК

Завершение истории мужской обители

История Ростовского Богоявленского Авраамиева монастыря как мужской обители завершилась в 1915 году (ил. 3). В связи с начавшейся Первой мировой войной в монастырь были эвакуированы сестры Полоцкого Спасо-Евфросиниевского женского монастыря, а монахов распределили по другим обителям.

Дмитрий Леонов

Ил. 3. Ростовский Богоявленский Авраамиев монастырь. Открытка начала XX в., фрагмент. ГМЗРК

Московские адреса Титовых

Легендарный дом в Романовом переулке

Окончание. Начало – РС. 2025. № 32.

Легендарный доходный дом графа Шереметева

Спустя век, в конце XIX столетия, внук графа Н. П. Шереметева и Прасковьи Жемчуговой граф Александр Дмитриевич Шереметев, начальник Придворной певческой капеллы, музыкант и меценат, выстроит на свои деньги в Шереметевском переулке шикарный доходный дом, который вскоре станет легендарным (ил. 1).

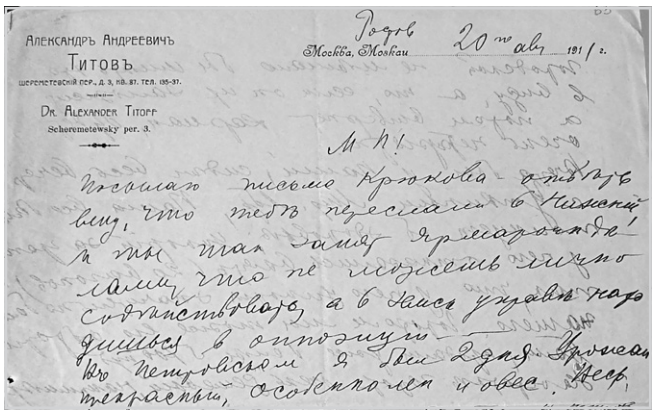
Для реализации этого амбициозного проекта граф привлек архитектора Александра Фелициановича Мейснера, одного из основоположников московского модерна. Мейснер предложил смелое решение: вместо традиционной линейной застройки вдоль улицы он спроектировал три шестиэтажных корпуса, образующих каре с внутренним двором-курдонером. Средний корпус был отодвинут от красной линии, создавая парадную площадь с чугунным фонтаном, отделенную от переулка ажурной кованой оградой (все эти элементы благоустройства можно видеть до сих пор; ил. 2, 3). Квартиры в этом доме с самого начала предназначались для состоятельных жильцов: их площадь достигала 250–600 квадратных метров, а количество комнат доходило до десяти. В доме были водопровод, канализация, калориферное отопление и электричество – по тем временам невиданная роскошь. Фасады, выдержанные в стиле необарокко и неоренессанса, поражали богатством декора. Неудивительно, что этот жилой комплекс сразу же облюбовали артисты Большого театра и музыканты Московской консерватории, которых опекал граф А. Д. Шереметев. Здесь, в частности, жил композитор Антон Степанович Аренский.

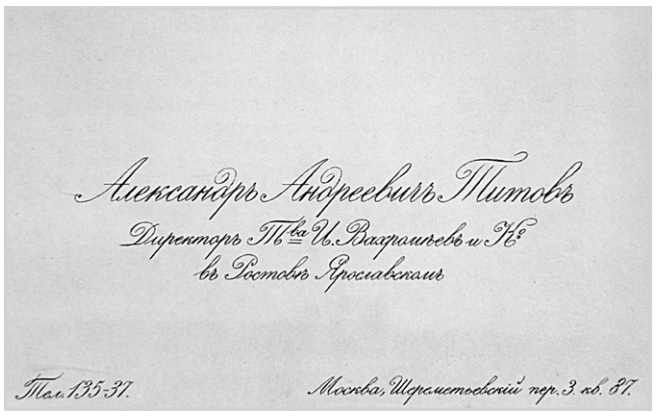
Ил. 1. Бывший доходный дом графа А. Д. Шереметева в Романовом переулке. 2025. Фото автора

Титовы в Шереметевском переулке: наука, быт и дворянство

В грандиозный Шереметевский дом и перебралась семья Александра Андреевича Титова в сентябре 1910 года. Переезд состоялся 5–7 сентября, о чем Александр сообщал отцу в письмах. Семья поселилась в квартире № 87, находившейся в центральной части дома-каре. В новой квартире шел ремонт, Беатриса с детьми должна была вернуться из Ростова лишь 15 сентября. Судя по сохранившимся бланкам писем и визитным карточкам (ил. 4, 5), телефон в квартире Титовых остался прежним – 135–37, тот самый, который был на прежней квартире в Столовом переулке – любопытная деталь, свидетельствующая, что номер телефона мог кочевать за своим хозяином. Андрей Александрович Титов не раз бывал у сына в Шереметевском переулке. В одной из карточек от 17 ноября 1910 года Александр сообщал отцу, что приедет в субботу и поищет забытые им очки. А в апреле 1911 года он писал: «Можешь остановиться у меня, швейцар тебя пустит и все сделает». В другой открытке, датированной 28 января 1911 года, Александр информировал об обстановке в университете: «В ун[иверсите]те сегодня занятий не было, только сходки. Занимаются наукой мало, зато все пивные и кинематографы переполнены студентами».

Ил. 4. Письмо Александра Титова отцу на именном почтовом бланке. 20 августа 1911 г. Фрагмент. ГАЯО

Ил. 5. Визитная карточка Александра Андреевича Титова. 1910–1911 гг. ГАЯО

Шереметевский дом для Александра Титова был связан с несколькими знаменательными событиями. 10 января 1911 года правительственные газеты разнесли новость об Императорском указе, гласившем: «Почетного попечителя Московской первой гимназии, действительного статского советника Андрея Титова, со всем нисходящим его потомством Всемилостивейше возводим в потомственное дворянское Российской империи достоинство». Это была высочайшая награда за многие заслуги купца Андрея Александровича Титова на поприще науки, культуры и просвещения. Правда, некоторые газеты по этому поводу злословили в псевдолиберальном духе. Ярославская газета «Голос» перепечатала из петербургской «Речи» курьезную заметку «Ради дворянства»: «Среди нижегородских миллионеров в последнее время заметно любопытное движение. Они подметили стремление правительства привлекать наиболее богатых купцов в дворянские ряды жалованием потомственного дворянства. У нижегородцев есть и свой жалованный дворянин из купцов А. А. Титов, товарищ председателя ярмарочного комитета. Блеск дворянского герба манит многих нижегородских миллионеров, особенно их жен, которые уверены, что новый губернатор выведет их мужей “в аристократию”». Ростовская новоиспеченная дворянская семья, должно быть, немало потешалась у себя в доме на Покровской улице, читая эти курьезные злопыхательства.

Кризис Московского университета и переход в Народный университет

Однако в жизни университета в начале 1911 года нарастал драматический кризис. 5 февраля «Голос» извещал ярославцам: «Увольнение из числа профессоров Московского университета А. А. Мануилова, М. А. Минзбира и П. А. Минакова и создавшееся вследствие этого положение в университете вызвало заявления от многих профессоров и приват-доцентов о выходе их в отставку. Число таких заявлений – 35». И это было только начало: 130 профессоров покинули университет. В числе первых среди подавших заявление был университетский наставник Александра Титова еще со студенческих пор профессор Николай Александрович Умов. 8 февраля газета сообщала, что отставки продолжаются: «Московский университет переживает прискорбные тяжелые дни. Профессора и младшие преподаватели подавлены и угнетены. Кроме упомянутых нами ранее, поступили однородные заявления…» В представленном списке значились математик А. К. Власов, математик И. И. Жегалкин, минералог В. В. Карандеев, химик С. С. Наметкин (впоследствии выдающийся ученый, основоположник нефтехимии), физиолог М. Н. Шатерников, географ Е. В. Раковский, а также имя А. А. Титова. Так начиналась их самостоятельная карьера – многие из этих ученых впоследствии стали гордостью российской науки.

Именно в этих стенах, в квартире № 87 дома Шереметева, Александр Андреевич Титов завершал работу над своей магистерской диссертацией «Об адсорбции газов углем». 1 сентября 1910 года он писал отцу: «Завтра думаю сдать свою работу. Из-за границы уже получил корректуру». Книга вышла в свет осенью 1910 года. Несмотря на тяжелую атмосферу в университете, 17 февраля 1911 года состоялся диспут, на котором Александр блестяще защитил диссертацию. В карточке от 26 февраля он с воодушевлением сообщал отцу: «Вчера получил магистерскую степень, сегодня буду угощать в Праге». Ресторан «Прага» на Арбате, совсем неподалеку от Шереметевского, где молодой ученый отмечал свой успех, был излюбленным местом московской интеллигенции.

Однако научная карьера Александра Титова в Московском университете оказалась недолгой. Реакционная политика министра народного просвещения Л. А. Кассо, попиравшего академические свободы, не позволила ему остаться. После отставки Александр Титов перешел на работу в Народный университет имени А. Л. Шанявского – вольное учебное заведение, созданное на частные средства и не зависевшее от государственной бюрократии. В августе 1911 года в его письмах появляется новый адрес: Арбат, Никольский переулок, 16, квартира 3. Семья Титовых прожила в Шереметевском доме всего около года, но этот год стал важной вехой в их жизни.

Продолжение – на 5-й стр.

Ил. 2. Внутренний двор дома и подъезд, в котором жили Титовы. 2025. Фото автора

Ил. 3. Действующий фонтан во дворе дома. 2025. Фото автора

Ил. 6. Фасад легендарного дома со стороны Романова переулка. 2025. Фото автора

Московские адреса Титовых

Легендарный дом в Романовом переулке

Продолжение. Начало – на 4-й стр.

От дореволюционных жильцов до наших дней: судьба дома

В дореволюционные годы соседями Титовых по дому были люди самого разного круга. Здесь жил сам архитектор Александр Фелицианович Мейснер с супругой Софьей Николаевной, а также его брат Валерий. Среди жильцов значились присяжный поверенный Антон Иванович Перес, видный деятель народнического движения, председатель Московского коммерческого суда Николай Александрович Победоносцев, театральный критик Николай Николаевич Куров, близкий друг художника Константина Коровина, известный врач-венеролог Семен Алексеевич Смирнов, один из основоположников научной бальнеологии в России, профессор физики Владимир Сергеевич Щегляев, инженер-путеец Николай Викторович Ляпунов, бельгийский генеральный консул Пьер Бюр, лор-врач Бронислав Михайлович Грохольский, а также театральный деятель и критик Михаил Михайлович Попелло-Давыдов, в имении которого под Сумами Виры нередко гостили Собинов, Ленские и Нежданова. Так, Леонид Витальевич Собинов весной 1910 года благодарил своего друга Попелло-Давыдова: «Спасибо, друг, обрадовал депешей. Верь, зов не остался втуне. В Виры приеду, конный или пеший. В исходе мая, может быть, в июне». Шереметевский дом по праву считался средоточием московской интеллектуальной и творческой элиты.

После революции 1917 года приметный московский дом продолжал свою историю. Его квартиры были национализированы, а сам он стал Пятым Домом Советов. Сюда заселили видных военачальников и партийных деятелей. В разное время здесь жили С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов, Г. К. Жуков, Л. М. Каганович, А. Н. Косыгин, Г. М. Маленков, В. М. Молотов, А. Я. Вышинский, К. К. Рокоссовский, Н. С. Хрущев и многие другие. В 1920-х годах, когда переулок переименовали в улицу Грановского, этот адрес – Грановского, 3 – вошел в историю. Здесь в 1927 году жил высланный из Кремля Лев Троцкий, которого затем насильно вывезли в Алма-Ату. Здесь находилась конспиративная квартира британского разведчика Сиднея Рейли, ставшего, по некоторым версиям, прототипом Джеймса Бонда. В этом доме жил сын Сталина Яков Джугашвили, откуда он ушел на фронт в июне 1941 года. Здесь в годы войны в подвале оборудовали бомбоубежище, а жены маршалов тушили на крыше зажигательные бомбы. В этом же доме в полуподвальной коммуналке жила семья писателя Виктора Драгунского, и именно здесь он написал свой знаменитый рассказ «Тайное становится явным».

Среди послереволюционных жильцов была и семья будущей великой оперной певицы Ирины Архиповой. В своих мемуарах «Музыка жизни» она с теплотой вспоминала детство, проведенное в этом доме. По ее словам, квартира, доставшаяся родителям, была огромной, с высокими потолками, белыми изразцовыми печами и просторными коридорами. В ней жили несколько семей, и кухня стала не местом коммунальных склок, а настоящим центром общения, «клубом интересных встреч», где соседи обменивались жизненным опытом и знаниями. Архипова писала, что эта «школа познания жизни» научила ее разбираться в людях, и она навсегда сохранила благодарность к тем годам, проведенным в старом доме на улице Грановского.

В наши дни дом в Романовом переулке, 3 по-прежнему остается одним из самых престижных в Москве. Стоимость квадратного метра здесь исчисляется десятками тысяч долларов, а в квартирах живут потомки маршалов, бизнесмены и известные художники. Бесконечная вереница знаковых мемориальных досок на фасаде напоминает о славных и трагических страницах отечественной истории (ил. 6). Проходя мимо этого величественного здания, стоит вспомнить и о ростовце Александре Андреевиче Титове, чья научная карьера укреплялась в этих стенах, а затем продолжилась на «других берегах», в Париже, где он создал всемирно известную зубную пасту «Саножиль», основал химико-фармацевтическую фирму «Биотерапия» и стал основателем и пожизненным председателем Общества русских химиков во Франции.

Ярослав Смирнов

Музейные редкости

Тайны кубка Кекиных: три монеты короля Георга Первого

Кубок и его загадка

В 1884 году Алексей Леонтьевич Кекин передал Ростовскому музею церковных древностей позолоченный серебряный кубок, инкрустированный двенадцатью монетами (ил. 1). Они расположены в два ряда, в шахматном порядке. Три из них выпущены в период правления английского короля Георга I (1714–1727) и могут проиллюстрировать сложные политические процессы, происходившие на территории Германии и Великобритании в XVIII веке.

Ил. 1. Позолоченный серебряный кубок XVIII века – дар Ростовскому музею купца А. Л. Кекина. ГМЗРК

Монета с профилем короля

На первой из них, размещенной в верхнем ряду, отчеканен горделивый профиль монарха, обращенный вправо, со слегка откинутой назад головой (ил. 2.1). Диаметр монеты 24 мм, по краю полустертый выпуклый ободок с зубчиками по внутренней стороне. На плечи короля накинута мантия, а голова увенчана лавровым венком, из-под которого спускаются длинные пышные кудри. Круговая легенда гласит: GEORG. D.G.M.BRIT.F.ET.HIB.REX.F.D.

Эта сокращенная латинская надпись в развернутом виде читается как «Георг, Божьей милостью Великобритании, Франции и Ирландии король, защитник веры». Под профилем литера B: начальная буква фамилии минцмейстера Генриха Кристиана Борнхорста. Она ставилась в знак личной ответственности мастера за качество выпускаемых им монет. Подлинность монеты подтверждает также расположенная ниже надпись FEIN SILB. («чистое серебро»).

Король Георг I взошел на английский престол в 1714 году, в возрасте 54 лет. Родился он в 1660 году в Ганновере, столице Брауншвейг-Люнебургского герцогства, которым правил его отец Эрнст Людвиг, курфюрст Священной Римской империи. Мать же его была внучкой английского короля Якова I. Этот правитель был выходцем из Шотландии и первым государем, правившим обоими королевствами будущей Великобритании. Он также установил контроль над Ирландией. Эти изменения в геополитической структуре Европы отражены на реверсе рассматриваемой монеты с профилем короля Георга, который можно различить изнутри кубка (ил. 2.2).

Ил. 2.1, 2.2

На нем крестообразно расположены четыре геральдических щита, каждый из которых увенчан короной. На первом щите – объединенный герб Англии и Шотландии: три льва и один соответственно. Слева и справа от него обычно располагалась разделенная на две части дата выпуска монеты, но, поскольку край ее подвергся обработке и частично заходит вглубь кубка, разобрать ее не удалось (на найденном нами в сети Интернет изображении точно такой же монеты стоит дата – 1717 год). Очевидно лишь, что она была выпущена не ранее 1714 года и не позднее 1725 года, когда минцмейстер Борнхорст оставил службу. На втором щите – три французские лилии. Английские монархи претендовали на французскую корону с 1337 года, и отказались от формального титула королей Франции только в 1802 году, по условиям Амьенского мира. Третий щит принадлежит Ганноверу. Он разделен на три части и наполнен наибольшим количеством символов: слева два бегущих влево льва, справа стоящий на задних лапах лев, снизу бегущая влево лошадь. По центру этого щита размещена корона Карла Великого, обозначавшая, что герцогство является курфюршеством Священной Римской Империи. На четвертом щите изображена кельтская арфа, символизирующая Ирландию.

Стоит отметить, что штемпель, с помощью которого отчеканили реверс монеты, был по ошибке развернут на 180 градусов. При обычном расположении щит с английскими и шотландским львами должен находиться сверху, здесь же вверху щит с арфой, а обозначение ее номинала оказалось перевернуто вверх ногами. Оно расположено по центру между щитами: 1/6. Это указывает, что достоинство монеты – одна шестая часть талера. То есть она имела хождение на родине Георга I, в Брауншвейг-Люнебургском курфюршестве. Король установил с ним личную унию и сохранял контроль над этой территорией, продолжая чеканить там свою монету. Иллюстрацией этому служат также едва различимые на реверсе латинские буквы …D.S.I.A...: «…герцог, Священной Римской империи...».

Монета с Диким человеком

Тот же самый титул, но уже в полном виде, можно прочитать на аверсе другой монеты, украшающей кубок (ил. 3). Диаметр ее 25 мм, по краю выступающий ободок с мелкими зубчиками. Надпись гласит: BRUN.&LUN.D.S.R.I.A.TH&EL, что означает «Брауншвейгский и Люнебургский герцог, Священной Римской империи главный казначей и курфюрст». Эта монета отчеканена в 1722 году. Центральное изображение аверса – великан в набедренной повязке, который держит в правой руке ель. Ветви у дерева расположены с одной стороны. Это герой легенд, бытовавших в горах Гарца. По преданию, обитавший там Дикий человек (Вильдерман) являлся хозяином и охранником всех подземных богатств. Образ его чеканили на местных монетах начиная с XVI века. Интересный факт: на монетах, выпущенных родственными брауншвейг-люнебургским правителям Вольфенбюттелями (представителями другой ветви рода Вельфов) Дикий человек держит ель в левой руке. Под ногами великана надпись FEIN SILB., еще ниже – литера C. Она указывает на то, что монета происходит с монетного двора города Клаусталя.

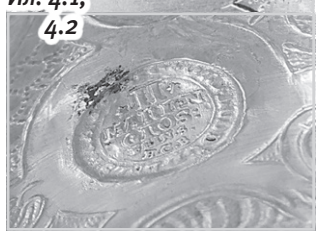
Ил. 3

На ее реверсе также прослеживаются крестообразно расположенные геральдические щиты, но изображение это сохранилось значительно хуже, поскольку кубок все-таки был в употреблении. Номинал ее неразличим, но судя по размеру и по тому, что все остальные монеты верхнего ряда на кубке одинакового достоинства, можно предположить, что это 1/6 талера, или 6 мариенгрошенов. Талер был главной платежной единицей Брауншвейгского герцогства (с 1692 года курфюршества) и делился на 36 мариенгрошенов (первоначально на таких монетах чеканилось изображение девы Марии). Встречаются монеты как в 1/6, так и в 1/3, 2/3 талера. Они были необходимы для повседневных расчетов. Нередко указывались обе стоимости – и в талерах, и в мариенгрошенах.

Монета с ганноверским конем

Нужны были и более мелкие монеты. Одна из них расположена на тулове кубка в нижнем ряду (ил. 4.1). Она отчеканена в год восшествия Георга I на английский престол. На ее аверсе изображена лошадь в галопе, скачущая влево. Диаметр 18 мм, по краю выпуклый ободок с зубчиками. На круговой легенде девиз IN RECTO DECUS («В праведности честь») и дата – 1714 год. Это традиционные девиз и символ правителей Брауншвейга. По легенде, в X веке привязанный к дереву белый конь начал рыть копытом землю и на поверхности оказались куски серебряной руды. Это открытие способствовало развитию горных разработок в этой области, благодаря чему была заложена основа благосостояния региона. На реверсе номинал в три строки: II/MARIEN/GROS. (два мариенгрошена) (ил. 4.2). Ниже обозначение FEIN.S, сокращенный вариант обозначения «чистое серебро». Под ним – полные инициалы минцмейстера Генриха Кристиана Борнхорста, уже упоминавшегося выше: H.C.B.

Ил. 4.1, 4.2

Наследие двух выдающихся людей

Георг I основал Ганноверскую династию королей Великобритании, но сам он уделял больше внимания делам своего родного Брауншвейга. Вся полнота власти при нем постепенно сосредоточилась в руках кабинета министров во главе с Робертом Уолполом, который теперь считается первым британским премьер-министром. Сам же король часто навещал родную Германию. Скончался он на пути в Ганновер в 1727 году.

Передавая кубок с его монетами в дар Ростовскому музею, санкт-петербургский купец Алексей Леонтьевич Кекин не мог, конечно, знать, что и его постигнет похожая участь. Наследие обоих этих выдающихся людей заключает в себе еще немало тайн, которые до сих пор привлекают внимание исследователей.

Вера Каретникова

Генеалогические исследования

Десять колен: хроника рода Киселевых

Истоки: от Ивана до Елисея

Мои предки Киселевы происходят из старинного села Мосейцево, которое расположено далеко за ростовским озером Неро. В советское время Мосейцево являлось центром сельсовета, а до этого – одним из крупных селений Нажеровской волости и ранее – Якимовского стана Ростовского уезда. Для изучения истории мосейцевского рода Киселевых использовались материалы ревизских сказок XVIII–XIX вв., исповедных росписей и метрических книг церкви Сергия Радонежского с. Мосейцево XVIII – начала XX в., актов городского (Ростовского) и волостных (Ростовского уезда) отделов ЗАГС. Документальные сведения дополнялись воспоминаниями и фотографиями.

Первого известного моего предка звали Иван. Он родился около 1640 г. Умер до 1737 г., которым датируется самая ранняя исповедная роспись церкви с. Мосейцево, исключая 1722–1726 гг. – период, за который сохранились метрические книги. У него был сын Лукьян.

Лукьян Иванов. Родился около 1675 г. Умер между 1713 и 1737 гг., исключая 1722–1726 гг. Его жена Елена Исаева. Она родилась около 1675 г. в д. Полежаево (здесь и далее: селения Ростовского уезда). Умерла до 1764 г. Упоминалась «дворовой» мосейцевского помещика Федора Матвеевича Протасьева. У Лукьяна Иванова и Елены Исаевой были дети: Никифор, Арефа (мой следующий предок), Кондратий. Никифор стал основателем мосейцевского рода Никеровых (фамилия происходит от местной народной формы его имени), представители которого сейчас проживают в Мосейцеве и Ростове.

Арефа Лукьянов родился около 1699 г. Около 1730 г. он женился на моей пращурке Ксении Алексеевой – жительнице приходской д. Биричева. У них были дети: Гликерия, Егор (мой следующий предок), Федор, Климент. Арефа Лукьянов умер 17 августа 1757 г. (здесь и далее: даты по новому стилю).

7 декабря 1742 г. родился Егор Арефьев. 5 июня 1761 г. он женился (венчался) на моей пращурке, жительнице с. Мосейцево Марии Ивановой. У них были дети: Елисей (мой следующий предок), Артемий, Семен, Федот, Иван. Артемий стал основателем мосейцевского рода Артемичевых. Егор Арефьев умер 27 февраля 1817 г. «от опухоли».

Около 1766 г. родился Елисей Егоров. В конце 1780-х гг. он женился на моей пращурке Марии Ермолаевой. Метрические книги Сергиевской церкви с. Мосейцево за данный период отсутствуют, поэтому неизвестны дата венчания и место рождения Марии Ермолаевой. У них были дети: Мавра, Кузьма (мой следующий предок), Макар (умер в младенчестве), Евдокия (умерла в младенчестве), Настасья. Елисей Егоров умер 8 декабря 1827 г. от чахотки.

Рождение фамилии: Кузьма Киселев и «кулинарная» тайна

Следует отметить, что сын Елисея Егорова и Марии Ермолаевой – Кузьма был первым, кто носил фамилию Киселев в Мосейцеве по моей линии – Кузьма Елисеевич Киселев.

Меня всегда интересовал вопрос о возникновении нашей фамилии. Как-то в детстве я спросил своего дедушку об этом. Дедушка вспомнил, что у его предков была своя, «уличная» фамилия Шмагины, которая «передалась» и ему. И когда позднее, уже проживая в Семибратове, он приезжал в Мосейцево, в селе так и говорили: «Приехал Костя Шмагин». А про фамилию Киселевы дедушка сказал: «Да, говорили, был такой Кисель-Мисель…». Запомнил я эту дедушкину поговорку на всю жизнь.

Когда я стал изучать архивные документы и, наконец, узнал про своего предка Кузьму Елисеевича Киселева, а вскоре и про его отца Елисея Егорова, вспомнил я опять те дедушкины слова и подумал: «Елисей – не тот ли самый Кисель-Мисель? Не прозывали ли моего далекого предка Елисея Егорова по селу Киселем? Елисей-Кисель… В таком случае сын его Кузьма – сын Елисеев, то есть Киселев». Конечно, этому предположению можно и возразить. Ведь Киселевы – нередкая русская фамилия, да и слово «кисель» как название русского народного поминального кушанья было распространено.

В этой связи следует обратить внимание на следующее обстоятельство. В ходе работы над источниками я выяснил, что двоюродный брат Кузьмы Елисеевича Киселева – Иван Иванович, ведший свой род от младшего брата Елисея Егорова – Ивана Егорова носил фамилию Кулагин. Кулага – это каша, приготовлявшаяся обычно из ржаной муки с добавлением ягод. Не носил ли Иван Егоров прозвище Кулага? А фамилий у потомков Ивана Егорова было две, часто между собой чередовавшихся: Кулагины и Киселевы. В метрических книгах так и записывали: «Иван Иванов Кулагин» или «Сергей Иванов Киселев (он же Кулагин)». Вот такие «кулинарные» возможные прозвища и реальные фамилии. Позднее фамилия Кулагины исчезла из документов, фамилия Киселевы стала общей.

12 ноября 1795 г. родился и был крещен Кузьма Елисеевич Киселев. Восприемником (крестным) был «дворовой человек» местной помещицы Дарьи Васильевны Ошаниной Николай Федоров. 6 февраля 1815 г. Кузьма Елисеевич женился (венчался) на моей пращурке Евдокии Яковлевой – дочери крестьянина д. Биричева Якова Алексеева. Поручителями при венчании были: крестный Кузьмы Елисеевича Киселева Николай Федоров и дядя Иван Егоров. У них были дети: Пелагия и Артемий (мой следующий предок).

Отмечу следующий замечательный факт биографии Кузьмы Елисеевича Киселева. В 1808 г. к церкви Сергия Радонежского с. Мосейцево был определен на должность пономаря Федор Иванович Лебедев. 23 марта 1808 г. мосейцевскими крестьянами было составлено «Одобрение», в котором будущий пономарь характеризовался с положительной стороны. Этот документ был подписан помещицей Дарьей Васильевной Ошаниной и ее приказчиком Николаем Федоровым – крестным Кузьмы Елисеевича Киселева. Ниже находилась еще одна подпись, которую привожу полностью: «К сему одобрению села Мосейцева вотчины Господина Петра Ивановича Протасьева по прошению крестьян их тоя ж вотчины крестьянин Кузма Елисеев за неумением их грамоте руку приложил». Иными словами, за местных крестьян расписался мой предок Кузьма Елисеевич Киселев.

Замечу, что в 1808 г. Кузьме Киселеву было всего 12 лет. Где мог научиться грамоте мой маленький предок? В округе ни церковно-приходских школ, ни сельских училищ не было. По моему предположению, Кузьму мог научить его крестный, грамотный крестьянин-приказчик Николай Федоров. Кузьма Елисеевич Киселев умер 28 апреля 1866 г. «от старости».

Солдатская доля и мирная жизнь: Артемий, Сергей и Михаил

29 октября 1822 г. родился Артемий Кузьмич Киселев. Восприемником при его крещении 31 октября 1822 г. был «вольноопущенный человек» с. Мосейцево Алексей Николаев. 24 октября 1842 г. Артемий Кузьмич женился (венчался) на моей пращурке Марфе Диомидовне Фадеичевой – дочери крестьян приходской д. Пирогова Диомида Ивановича и Евдокии Тимофеевны Фадеичевых (позднее – Фадеевых). Поручителями при венчании были: со стороны жениха – крестьяне с. Мосейцево Платон Михайлович Савельичев (его дядя-свойственник) и Иван Иванов; со стороны невесты – Петр Иванович Фадеичев (ее дядя) и Иван Трифонов. У них были дети: Сергей (мой следующий предок; прапрадедушка), Наталья, Параскева, Мария (умерла в младенчестве), Иоанн (умер в младенчестве).

В метрических книгах 1850-х гг. Артемий Кузьмич Киселев обозначался рядовым лейб-гвардии Литовского полка, во второй половине 1850-х – 1860-х – «билетным солдатом» и «бессрочно отпускным солдатом», то есть отпущенным в бессрочный отпуск, возможно, по причине ранения или увечья, и имевшим «отпускной билет». После окончания бессрочного отпуска солдат получал полную отставку и становился отставным солдатом, в качестве которого доживал до окончания жизни. Учитывая, что в этот период происходила Крымская война (1853–1856 гг.), можно предположить, что Артемий Кузьмич участвовал в этих боевых действиях. Артемий Кузьмич Киселев умер 24 апреля 1888 г. «от старости».

13 июля 1857 г. родился мой прапрадедушка Сергей Артемьевич Киселев. Восприемником при его крещении 14 июля 1857 г. был крестьянин д. Пирогова Иван Маркович Фадеичев (его двоюродный брат). 9 июня 1878 г. Сергей Артемьевич женился (венчался) на моей прапрабабушке Анне Андреевне Жуковой – дочери мосейцевских крестьян Андрея Михайловича и Неонилы Даниловны Жуковых. Поручителями были: со стороны жениха – крестьяне с. Мосейцево, его двоюродные братья Наум Платонович Савельичев и д. Пирогова Максим Маркович Фадеичев; со стороны невесты – «крестьяне-собственники» с. Мосейцево Абрам Васильев и Василий Андреевич Моржов. У Сергея Артемьевича и Анны Андреевны Киселевых были дети: Мария, Иоанн 1-й (умер в младенчестве), Василий, Александр (умер в младенчестве), Анна, Иоанн 2-й, Александра, Михаил (мой прадедушка).

2 октября 1906 г. прапрабабушка Анна Андреевна Киселева умерла от чахотки. 29 июля 1910 г. Сергей Артемьевич Киселев женился на вдовой крестьянке из д. Краснова (прихода соседнего с. Никоново) Фекле Филипповне Постниковой. Поручителями при венчании были: со стороны жениха – крестьяне с. Мосейцево Иван Жуков и д. Росцына Иван Фартанов; со стороны невесты – крестьяне с. Мосейцево Василий Миронов и Александр Миронов. Сергей Артемьевич Киселев умер после 1935 г. (дата уточняется).

3 июня 1895 г. родился мой прадедушка Михаил Сергеевич Киселев. Восприемником при его крещении 4 июня 1895 г. был крестьянин д. Скокова Федор Андреевич Курылев. 16 сентября 1921 г. Михаил Сергеевич женился на моей прабабушке Анне Ивановне Богомоловой – дочери мосейцевских крестьян Ивана Пантелеймоновича и Иустиньи Никифоровны Богомоловых. В книге Нажеровского волостного ЗАГСа Ростовского уезда в графе «жених» прадедушка расписался сам, а в графе «невеста» значилось: «неграмотна»; по ее личной просьбе расписался мосейцевский крестьянин Михаил Пеунков. У Михаила Сергеевича и Анны Ивановны Киселевых были дети: Текуса, Константин (мой дедушка), Иван, Василий, Валентина, Николай, Нина (ил. 1, 2).

Ил. 1. Мой дедушка Константин Михайлович Киселев (справа) и его брат Василий Михайлович Киселев

Продолжение – на 7-й стр.

Ил. 2. 1-й ряд (передний план; слева направо). Нонна Ивановна Киселева (жена Ивана Михайловича Киселева – родного брата дедушки Константина Михайловича Киселева); Альбина Геннадьевна Крестелева (дочь Текусы Михайловны Крестелевой – родной сестры дедушки); Алла Константиновна Киселева (моя тетя; дочь дедушки); Валерий Константинович Киселев (мой папа); Мария Александровна Киселева (бабушка)

2-й ряд (слева направо; сидят). Текуса Михайловна Крестелева (родная сестра дедушки) с дочерью Людмилой; Анна Ивановна Киселева (прабабушка, мама дедушки) с внучкой Валентиной – дочерью Василия Михайловича Киселева – родного брата дедушки); Валентина Михайловна Осипова (родная сестра дедушки) с дочерью Ниной; Юлия Ивановна Корчагина (сестра Галины Ивановны Киселевой, жены Василия Михайловича Киселева – родного брата дедушки) со своей племянницей Ниной – дочерью Василия Михайловича Киселева

3-й ряд (слева направо; стоят). Иван Михайлович Киселев (родной брат дедушки); Константин Михайлович Киселев (дедушка); Клавдия (отчество? фамилия?; двоюродная сестра дедушки) со своей дочерью Алевтиной; Алексей (отчество?) Осипов (муж Валентины Михайловны Осиповой – родной сестры дедушки); Галина Ивановна Киселева (жена Василия Михайловича Киселева – родного брата дедушки); Василий Михайлович Киселев (родной брат дедушки); Геннадий Сергеевич Крестелев (муж Текусы Михайловны Крестелевой – родной сестры дедушки); за ним – мальчик: Николай Михайлович Киселев (родной брат дедушки).

Село Мосейцево Ростовского района Ярославской области. 1956 г.

Генеалогические исследования

Десять колен: хроника рода Киселевых

Продолжение. Начало – на 6-й стр.

Дом моих предков Киселевых в Мосейцеве находился при въезде в село с правой стороны. Сейчас здесь пустырь. Василий Михайлович Киселев (брат моего дедушки) рассказывал, что однажды прадедушке дали задание привезти из Ростова для местного магазина кондитерские товары. Была зима, и существовал переезд через озеро Неро. В Ростов он проехал без трудностей, но обратно у берега около села Угодичи лошадь с санями провалилась под лед. Товар был испорчен, его не приняли в магазине, и прадедушка взял конфеты домой за свой счет. «Ни у кого в доме в то время столько конфет не было, как у нас,– смеялся Василий Михайлович,– своим друзьям горстями носили, одаривали. А родители не ругали». С началом Великой Отечественной войны прадедушка был призван на фронт. В середине войны тяжело раненого прадедушку привезли в Мосейцево из госпиталя. Михаил Сергеевич Киселев умер в конце 1940-х гг. (дата уточняется).

Живая память: дедушка Костя и традиции рода

23 августа 1923 г. родился мой дедушка Константин Михайлович Киселев. Дедушка окончил мосейцевскую школу, с 1941 по 1945 г. участвовал в Великой Отечественной войне, в Курской битве. 6 января 1949 г. дедушка женился на моей бабушке Марии Александровне Герасимычевой – дочери мосейцевских крестьян Александра Максимовича и Марии Осиповны Герасимычевых. Их дети: Алла, Валерий (мой папа; 10 октября 1953 – 3 октября 2023).

Я хорошо помню дедушку Костю. Он работал водителем на автобусе «Кубань», часто брал меня с собой в поездки, если, конечно, это было возможно. Когда дедушка ушел на пенсию, мы чаще стали проводить время вместе. Я вспоминаю детство и частые походы в мосейцевские леса за грибами и орехами. Лесов около Мосейцева было много. Помню, однажды мы пошли за орехами в лес Выдру. Услышав шум, мы увидели лосиху с лосенком. Мы тихо быстро уходили, почти бежали. Потом, спрятавшись за деревом, стояли, не шелохнувшись. Дедушка прислушался, вздохнул, посмотрел на меня, улыбнулся, подмигнул, взглянул на наши корзины с орехами и сказал: «Ну, ладно, пора домой».

Каждую осень мы собирали ягодные кисти с рябинового дерева, росшего у дома в Семибратове. Дедушка посадил рябину в 1960-х годах. Нигде в Семибратове не было такой сладкой, особого сорта рябины. Собрав две больших корзины этой рябины, мы уносили ее в сад и в домике развешивали. Зимой она замораживалась, становилась еще слаще, и мы угощались ею. Эта рябина и сейчас растет.

Останутся в моей памяти наши добрые выездные пикники. Накануне дедушка «маринадил» мясо, а на следующий день на белоснежных «Жигулях» уезжали всегда на одно, навсегда запомнившееся мне место около деревни Полежаево у Ново-Никольской дороги. Там на земле лежали две поваленные березы. Они и сейчас там. Мы приезжали туда, разводили костер, доставали небольшой мангал, шампуры, нанизывали на них куски мяса, жарили их над углями, а потом угощались и разговаривали. Дедушка смотрел на меня, о чем-то думал и улыбался.

Конечно, никогда не забуду дедушкины шрамы и многочисленные ямочки, доставшиеся от войны. На мои просьбы рассказать об этом дедушка говорил мало, скупо. Рассказывал, как выбежав на открытое пространство на каком-то хуторе, был прострелен автоматной очередью. Как пробирались через болото, и пуля сразила насмерть впереди идущего. А потом надолго застряли они в этом болоте, без всякой помощи и еды, и чтобы не умереть с голоду, ели лошадей. Эти воспоминания навсегда останутся со мной. Дедушка Константин Михайлович Киселев умер 19 декабря 1996 г.

Итак, в настоящее время история мосейцевского рода Киселевых охватывает 10 колен. В ходе генеалогического исследования был выявлен ряд пропусков. Привлечение дополнительных источников позволит заполнить данные лакуны и расширить знания о предках.

Алексей Киселев

Поиски и находки

Ростовская финифть на всероссийских кустарно-промышленных выставках 1902 и 1913 годов в Санкт-Петербурге

Выставка 1902 года: Таврический дворец и триумф ростовских мастеров

В 1902 году и 1913 году в Санкт-Петербурге проходили специализированные Всероссийские кустарно-промышленные выставки, которые были организованы Главным управлением землеустройства и земледелия под августейшим покровительством «Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны». Обе выставки прошли с большим успехом, вызвали огромный интерес у общественности как внутри страны, так и за ее пределами. Главной целью таких смотров государство видело в том, чтобы показать многогранность и самобытность народного искусства, привлечь внимание к промыслам к их проблемам и достижениям.

Первая Всероссийская кустарно-промышленная выставка проходила с марта по апрель 1902 года в Таврическом дворце. На ней были представлены все центральные губернии и окраины России, губернии Царства Польского, Белоруссия, Литва, Финляндия, Остзейский край. В Прибалтийский (или Остзейский) край с XIX века входило 3 губернии: Эстляндская, Лифляндская и Курляндская. Обширная экспозиция размещалась в 18 залах дворца, была разделена на 3 отдела: I – «Кустарные изделия», II – «Орудия и пособия кустарного труда», III – «Учебные мастерские для улучшения кустарного производства».

Разработка общего плана выставки, издание правил, инструкций и решение всех организационных вопросов, связанных с устройством, возлагались на Организационный комитет, состоящий под председательством действительного тайного советника Петра Петровичева Семенова. В комитет входили видные общественные и государственные деятели: Александра Николаевна Нарышкина (урожденная Чичерина), статс-дама императорского двора (1839–1919); Михаил Петрович Боткин (1839–1914) – художник, академик исторической живописи, гравер, искусствовед, археолог, коллекционер и меценат; граф Алексей Александрович Бобринский (1852–1927) – археолог, политический и государственный деятель. Особыми гостями выставки стали император Николай II и его супруга Александра Федоровна.

Ярославская губерния занимала 5 экспозиционный зал, в котором демонстрировалось 19 тематических разделов, тогда как Московская и Владимирская губернии располагались в одном – первом зале. В разделе «Образа, киоты, лубочные картины» было заявлено 9 экспонентов, особо примечательно, что 8 из них демонстрировали образцы ростовской финифти. Лишь Алексей Михайлович и его внук Николай Березовиковы из Ростовского уезда, Ивашевской волости, села Лазерцево-Фомино (в настоящее время село Ильинского района Ивановской области) экспонировали «иконопись на доске». Таким образом, раздел был полностью представлен изделиями мастеров из Ростова и Ростовского уезда.

Финифть – «иконопись (финифтяные образа)» – демонстрировали такие известные в городе мастера и владельцы собственных производств как Константин Алексеевич Фуртов, Петр Иванович Кузнецов, Павел Николаевич Евдокимов, Александр Алексеевич Маринин, Алексей Васильевич Соловьев, кроме того, Анна Ивановна Завьялова представила «металлические» к финифтяным иконам оправы, а Иван Александрович Виноградов – краски.

Отдельно стоит отметить, что по правилам выставки «к участию допускались в качестве экспонентов как отдельные кустари, так и земские управы, кустарные комитеты и другие учреждения, выставляющие коллекции местных кустарных изделий, а также орудия для их производства». К примеру, земством Ярославской губернии были показаны «образцы старинной финифти и техника производства».

Петр Иванович Кузнецов и Константин Алексеевич Фуртов были удостоены бронзовых медалей, что давало им право маркировать свои изделия государственным гербом. В собрании Ростовского музея хранятся две бронзовые медали Первой Всероссийской кустарно-промышленной выставки 1902 года (ил. 1, 2). Они поступили в 1963 году от частного коллекционера.

Выставка 1913 года: гербарий Ботанического сада и новые имена

Вторая Всероссийская кустарная выставка была организована спустя несколько лет – в марте – апреле 1913 года, местом ее проведения стало четырехэтажное здание гербария Ботанического сада. Организационный комитет по составу значительно превысил комитет первой выставки, его председателем был принц Петр Александрович Ольденбургский – первый муж великой княгини Ольги Александровны, сестры императора Николая II.

Общее художественное оформление экспозиционных павильонов было выполнено по эскизам Сергея Васильевича Чехонина (1878–1936) – художника, графика, театрального декоратора, мастера декоративно-прикладного искусства, члена художественного объединения «Мир искусства». Его произведения охватывали разные виды искусства. Сергей Васильевич имел непосредственное отношение к развитию финифтяного промысла в Ростове и оказывал на него заметное влияние в 1914–1917 годах.

Экспозицию выставки разделили на 4 отдела: I – «Кустарные изделия», II – «Орудия и машины для кустарных производств», III – «Учреждения, содействующие развитию кустарных промыслов», IV – «Издания по кустарной промышленности». Ярославская губерния располагалась на 3 этаже в 6 зале. Экспонаты отбирала губернская землеустроительная комиссия. Стоит отметить, что на выставке 1913 года было представлено всего 98 участников, тогда как на первой их было более 160.

Ростовскую финифть демонстрировал один экспонент – Константин Алексеевич Фуртов. В указателе к выставке содержится интересная информация, характеризующая его мастерскую: «Годовое производство на сумму около 1000 р. Материалы приобретаются в Москве на сумму 20–30 р. в год. Сбыт по всем монастырям России, Сибири и Кавказа. Производство существует с 1847 года. Имеется ручной пресс для оправ. Работают 4 человека из семьи и временами 2 человека наемные. Получил похвальный лист на Ростовской выставке 1880 г., большую серебряную медаль Ярославской выставки 1893 г., бронзовую медаль Нижегородской кустарной выставки 1896 г., бронзовую медаль Петербургской кустарной выставки 1902 г. и серебряную медаль Петербургской выставки 1907 г.».

Ярославский след: юбилейная выставка 1913 года и подношение императору

Экспонирование в Петербурге изделий только торгового заведения Константина Алексеевича Фуртова, вероятно, было связано с участием ростовских мастеров в Юбилейной показательной выставке, организованной в Ярославле к приезду императора Николая II с семьей в Ярославскую губернию 21–23 мая 1913 года. Здесь в 14 павильоне разместили «Кустарный отдел», в котором были сосредоточены все местные промыслы, в том числе и «Ростовское производство финифтяных образов». Кроме того, «финифтяным изделиям и золото-швейному искусству был отведен особый павильон», а во время осмотра выставки «одному из представителей производства Д. С. Завьялову выпала честь поднести Государю императору свою работу, художественно исполненную копию с известной картины итальянского художника Гвидо Рени (1575–1642) – “Христос в терновом венце”».

Елена Артемичева

Ил. 1. Михаил Афанасьевич Скудков. Медаль Всероссийской кустарно-промышленной выставки в С.-Петербурге. Начало XX в. (1902 г.). Бронза, литье, чеканка. D-39 мм. ГМЗРК. Н-923/1

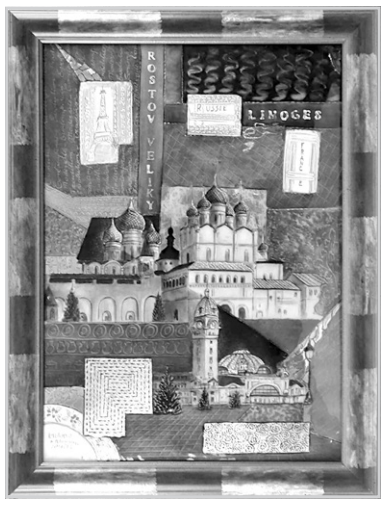
Ил. 2. Михаил Афанасьевич Скудков. Медаль Всероссийской кустарно-промышленной выставки в С.-Петербурге. Начало XX в. (1902 г.). Бронза, литье, чеканка. D-64 мм. ГМЗРК. Н-923/2

Четверть века спустя: как семинар «Ростовская финифть — Лиможская эмаль» изменил художественную жизнь Ростова

Время осмысления

Время неизбежно летит вперед и приводит нас к точке, когда неординарные события, произошедшие четверть века назад, можно осмыслить не через сиюминутные впечатления от череды мероприятий, а взглянуть на них поиному и отметить ценность тех моментов, что казались тогда почти рядовыми и остались в тени.

Еще свежи в памяти последние дни работы пятого зала Музея финифти, где были представлены эталонные произведения, задавшие новый вектор последующего развития ростовской финифти и связанные непосредственно с работой семинара «Ростовская финифть – Лиможская эмаль. Миниатюрная живопись на рубеже XX–XXI вв.». В частности, речь о произведениях лиможского эмальера Патрика Ратони (ил. 1), народного художника России А. Г. Алексеева, заслуженного художника России Л. Д. Самоновой, членов Всероссийского творческого объединения «Союз художников России» В. Д. Кочкина и В. Д. Сухова. На сайте музея можно увидеть эти уникальные эмальерные произведения в разделе музейных коллекций.

Ил. 1. Патрик Ратони. Встреча. Ростов – Лимож. 2001. ГМЗРК

Сегодня речь пойдет о выставке, завершившей работу семинара, и ее отголосках, оставшихся в запасниках музея.

Предыстория и организация

Два слова следует сказать о предыстории и организационной составляющей. По инициативе Европейского совета при поддержке Европейского союза с 1991 г. проводились Дни европейского культурного наследия в Европе с целью популяризации и сохранения культурного наследия; с 1994 г. они приобрели мировой масштаб. Дни европейского культурного наследия в Ростове проходили во второй половине 1990-х годов под руководством Управления охраны памятников Министерства культуры Российской Федерации совместно с Ярославским областным благотворительным общественным фондом «Возрождение Ростова Великого». Издавалась газета «Наследие и участие», рекламно-информационные проспекты, организовывались обменные поездки лиможских и ростовских художников друг к другу.

Ил. 2. Мишель Бетурне. Молодая пара. 2001. Частная коллекция

А в 2001 году, с 20 по 30 июля, проходил кульминационный и самый значительный проект в сотрудничестве лиможских и ростовских эмальеров – Международный семинар «Ростовская финифть – Лиможская эмаль. Миниатюрная живопись на рубеже XX–XXI вв.». Главной его целью была поставлена задача сохранения и развития двух традиционных школ эмальерного искусства, обмен опытом и навыками ростовской миниатюрной живописи и лиможской расписной эмали, сохранение классических техник и приемов работы с художественной эмалью.

Ил. 3. Сесиль Тесье. Ангел. 2001. Частная коллекция

В семинаре участвовали известные мастера – А. Г. Алексеев, Л. Д. Самонова, Е. С. Котова, В. Д. Кочкин, В. Д. Сухов, В. П. Грудинин, Н. В. Серова – и молодые художники из Ростова: С. Ю. Павлова, С. А. Тецкая, О. В. Зайцева, А. В. Федоров, В. Ф. Якимова, Е. Б. Михайленко, С. П. Березина. Лимож представляли эмальер Мишель Бетурне (ил. 2), эмальер-миниатюрист Сесиль Тесье (ил. 3), эмальер и представитель муниципального музея лиможских эмалей Мюрьель Каркано (ил. 4), эмальер Ассоциации эмальеров г. Лиможа и руководитель проекта Международного центра эмали в Лиможе Патрик Ратони и другие официальные представители делегации.

Ил. 4. Мюрьель Каркано. Рука. 2001. Частная коллекция

29 июля прошла научная конференция с участием французских и российских ученых. Планировалось выпустить каталог итоговой выставки, но эта идея не осуществилась. Одной из главных задач совместного семинара было создание условий для совместной работы ростовских и французских эмальеров – носителей и продолжателей искусства двух всемирно известных центров. Обмен творческими навыками должен был способствовать не только концентрации профессионального багажа, накопленного на протяжении столетий русской и французской школами, но и их развитию в современных условиях. По результатам совместных встреч видно, что поставленные цели были достигнуты: французы почерпнули приемы и методику работы над миниатюрой, а ростовцы расширили свой творческий арсенал некоторыми приемами и материалами лиможских мастеров.

Итоги и след в музейных фондах

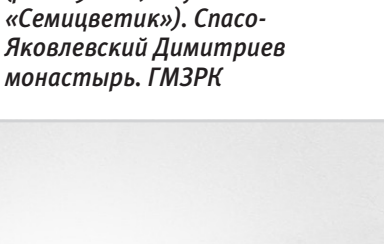
Об итогах семинара и непосредственных результатах творческого общения художников культурная и научная общественность может получить представление в некоторых научных публикациях В. Ф. Пак, а вот о заключительной выставке сведения достаточно скудны, за исключением отдельных архивных материалов.

В фондах музея, в собрании финифти, кроме вышеназванных работ, экспонировавшихся ранее в Музее финифти, сохранились произведения ростовской школы искусств (ил. 5) и детской студии «Семицветик» (руководитель – художник по финифти Валентина Антоновна Коробова) (ил. 6, 7). Они включены в научно-вспомогательный фонд и представляют одно из направлений работы семинара. Соруководителем детской группы выступала француженка, специалист по детскому творчеству Мюрьель Каркано (ил. 8).

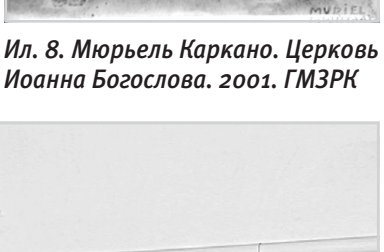
На открытии выставки участник семинара Валерий Дмитриевич Сухов подарил музею планшет (ил. 9), на котором отражены основные этапы его практического изучения технологии работы ростовских финифтяных дел мастеров прошлых столетий. Им были сопоставлены особенности старинных и современных технологий работы с эмалями. Во второй половине 1990-х годов он посвятил много времени изучению техники ростовской финифти XVIII века и выполнил на семинаре миниатюры в духе старинной ростовской финифти.

Самым ярким итогом творческого взаимодействия стало знакомство лиможцев с техникой миниатюрной живописи, а для ростовских художников – с технологией лиможских эмалей. В результате применение тонкой серебряной фольги под полупрозрачную эмаль прочно вошло в творческий арсенал ростовцев, работающих как на предприятиях, особенно в Ювелирном доме «Александр Рудник», так и в индивидуальных мастерских Ростова Великого.

Вера Пак

Ил. 5. Анна Куландина (род. 1986 г., Ростовская школа искусств). Ростовский кремль. 2001. ГМЗРК

Ил. 7. Александра Хохрина (род. 1990 г., студия «Семицветик»). Церковь Иоанна Богослова на Ишне. ГМЗРК

Ил. 6. Анастасия Лужина (род. 1988 г., студия «Семицветик»). Спасо-Яковлевский Димитриев монастырь. ГМЗРК

Ил. 8. Мюрьель Каркано. Церковь Иоанна Богослова. 2001. ГМЗРК

Ил. 9. Валерий Сухов дарит свою работу Государственному музею-заповеднику «Ростовский кремль». 2001

Издатель: Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль». Периодичность – один раз в квартал. Главный редактор: Я. Е. Смирнов. Оригинал-макет: Е. В. Юркина. Отпечатано в типографии ЗАО «АТРУС», Россия, Ярославская обл., г. Ростов Великий, ул. Окружная, д. 13. Офсетная печать. Тираж 950.